

Мария ФРОЛОВСКАЯ

ГРАФИКА ГОЛОГО ПАРКА

* * *

А там идет весна и красят яйца зеленым чаем, желтой шелухой, закутывают в марлю и колготки, и куличи, наверное, пекут. Но мертвые лежат, не воскресая, прикопанные прямо во дворах многоэтажек, у которых небо полощется внутри. Они обжиты закатами, восходами, котами.

Мы тоже здесь печем и красим луком, и пищевым красителем, и даже какой-то перламутровой фигней. Но мертвые лежат, не воскресая, и мы не воскресаем. Боже правый, ну чем же красить яйца, что купить, куда пойти, чтоб стало все как было? Но Бог вне зоны действия сети.

Наверно, он сидит на двадцать пятом, с закатами, восходами, котами, в прозрачной, обгоревшей скорлупе растресканного дома. И к нему всю ночь идут какие-то бабульки, которые забыли адреса и имена, но знают, что должно быть, — высокое серебряное небо, салфетки, вербы, яйца, куличи. Они к нему протягивают руки, в которых пусто, звездно, бархатисто, и Бог им освящает темноту.

* * *

Убогий мой, уютный мой мирок —
в пекарне булка, за углом творог,
аптека, почта, детская площадка.
Ты хвалишься, что скроен хорошо,
что мал, но безопасен закуток,
а между тем ты — перышко, пушок:
дохнут — ни пятнышка, ни отпечатка

от нас. Дом быта, «Хлеб», велопрокат...
Не выведает новые века,
чем были мы, о чем мы гомонили,
как сильно в мае яблоня цвела,
какою душой Леночка была,
как у скамеек прорастали крылья,

когда плели влюбленные на них
свой тихий полубред и полустих,
как кладбище захватывал физалис,
как красили оградки и кресты
и ежились от близкой пустоты,
но все ж себе бессмертными казались.

* * *

Нет ни правых, ни виноватых,
ни плохих, ни хороших нет.
Дед Мороз — борода из ваты,
ну какой ты нам, нафиг, дед?

Что подарить ты тем, в окопах,
или этим, без крыши над?
Наши ямбы, хореи, стопы
обескровливает война.

Дед Мороз, бородатый крендель —
гикнул, свистнул и полетел —
что ты можешь пред ликом смерти?
Что ты знаешь о пустоте?

Я не По, не Бодлер, не Пушкин,
не страдалец, не ассасин.
Мы лишь елочные игрушки —
нас повесили — мы висим.

Едет фраер на верхней полке.
Чайник булькает на плите.
А под елочкой бродят волки,
душат зайчиков в темноте.

* * *

Ветки, прожилки, основа — графика голого парка.
Мы превращаемся снова в точки, в микрочастицы,
в нолики и единицы, в не образующий слово
звук бесмысленный ропот.
Странное косноязычье —
так неформленность речи
свойственна детям и птицам.

Не в состояньи продлиться,
не в состояньи собраться
из мельтешенья и гула, пиксельной утренней ряби,
я распадаюсь на буквы,
хрупкие желтые листья,
на отраженные в лужах тени дворов и фасадов.

Где-то когда-то наверно
нам непременно помогут,
и соберут микросхемы, и объяснят назначенье.
Голые черные ветки,
желтые, красные листья,
трубы, антенны, а выше — только свеченье, свеченье.

